ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1986

КУЗЬМЕНКОВ Е. А.

ЛАБИАЛЬНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ В СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОМ

Термин «лабиальная ассимиляция» мы используем по традиции, установившейся в монголистике [1, с. 85; 2, с. 129], в узком смысле — для обозначения губной гармонии гласных среднего подъема заднего (*o*) или переднего (*ö* ~ *ȯ*) ряда:

после слога, содержащего			следует		
o	или	*o:*	*o*	или	*o:*
ö	или	*ȯ:*	*ȯ*	или	*ȯ:*

Лабиализованные гласные высокого подъема *u*, *u:*, *ü*, *ü:*, находящиеся в начальных слогах, за редким исключением (ордосский диалект) не вызывают уподобления гласных последующих слогов. Более того, в большинстве диалектов действует «лабиальная диссимиляция» в гласных высокого подъема, по крайней мере, в отношении кратких гласных. Так, в халхасском *u* и *ü* встречаются только в первых слогах. В дальнейшем, говоря «лабиальная ассимиляция», мы будем иметь в виду только ассимиляцию гласных среднего подъема.

Губная гармония по вышеприведенной схеме — характерная черта большой группы восточных и южных диалектов. К этой группе можно отнести все халхасские диалекты и большинство бурятских, а также многие диалекты Внутренней Монголии в КНР, исключая дагурский. В дагурском лабиальная ассимиляция выражена слабо — она не выходит за пределы корня, в ойратских и калмыцких диалектах — отсутствует.

В могольском, судя по описаниям Г. И. Рамстедта, С. Ивамуры, Г. Ф. Шурмана и М. Вайерса [3, 4, 5], в непервых слогах нет *o* или *ö*, возникших в результате ассимиляции. Такие формы, как РМ, 35 — *oiro-* «близкий», возникли в могольском в силу иранского воздействия. О том, что могольское оканье не является результатом ассимиляции, свидетельствуют следующие примеры: РМ, 23 — *arbo:n* «десять», РМ, 27 — *emo:l* «седло» и т.п. Ср. с раннемогольскими ЗМ, 120 — *oira* «близкий», ЗМ, 86 — *arban* «десять» [1].

Лабиальная ассимиляция обычно рассматривается как сравнительно недавнее явление в монгольских языках. Многими безусловно отрицается ее существование в обще- и древнемонгольском [2]. Исходя из этой «правдо-

[1] Обозначение источников, используемых в данной работе: №М, Р страницы — данные по могольскому языку Г. И. Рамстедта в его работе [3]; ЗМ, № страницы — раннемогольские формы по Ziemi Manuscript [6]; ТМ, № страницы — монгорские данные Б. Х. Тодаевой [7]; МА, № страницы — словарь Мукаддимат ал-Адаб [8]; КП, № памятника, № строки — примеры из памятников квадратного письма [9]; СС, № параграфа — примеры из китайской транскрипции «Сокровенного сказания», цитируются по [10]; МА (ИМ), № страницы — примеры из глоссария ибн-Муханны, цитируются по изданию [8].

[2] Б. Я. Владимирцов говорит о том, что в монгольском диалекте, из которого развился письменный литературный язык, *o*, *ȯ* выступало только в первом слоге. Учтем, что Б. Я. Владимирцов считал монгольский письменный язык отражением одной из древнейших стадий развития монгольского языка [11, с. 315—317]. По этому поводу см. также [1, с. 94; 12, с. 26 и 3'].

подобной», как говорит В. Л. Котвич [13, с. 94], мысли, неизбежно приходим к выводу, что западные диалекты, включая могольский, консервативны, архаичны, а восточные, исключая дагурский,— развитые с точки зрения лабиальной ассимиляции.

Сложнее обстоит дело с кукунорскими языками — монгорским, дунсянским и баоаньским. А. Мостер и А. Смедт считают, например, что в монгорском существуют лишь следы бывшей гармонии гласных [14, с. 160], однако не вполне ясно, что можно считать сохранившимся, а что приобретенным в таких монгорских словах, как ТМ, 354 — *oluon* «много», ТМ, 346 — *mo:ro-* «мычать», если сравнить их со среднемонгольскими МА, 264 — *olan*, МА, 230 — *olon* «много», МА, 241 — *mo:re-* «мычать».

Большая часть других монгольских языков и диалектов может быть возведена непосредственно к среднемонгольскому по ряду параметров [3], в том числе и по развитию лабиальной ассимиляции. Ее проявление началось, по-видимому, в период, предшествующий среднемонгольскому, т. е. во всяком случае до XIII в. В источниках XIII—XV вв. засвидетельствован этап развития, который можно считать переходным от полного отсутствия *о* и *ӧ* в непервых слогах к их преобладанию в восточных диалектах и новому исчезновению в западных.

Основные источники по среднемонгольскому, которые позволяют судить об интересующем нас явлении,— это — квадратное письмо, китайские транскрипции и памятники в арабской графике.

Квадратное письмо наиболее дифференцированно среди указанных источников отражает гласные — там существуют знаки-буквы и знаки-огласовки для гласных *а*, *о*, *и*, *е*, *ė*, *ӧ*, *ӱ*, *і* [9, с. 31—34].

Китайские транскрипции позволяют различать *о* и *а*, *о* и *и*, но различие по ряду (т. е. *о* и *ӧ*, *и* и *ӱ*) отражено только в некоторых типах слогов с заднеязычными инициальными согласными (например, *qo* и *kö*). Последнее, впрочем, для нас в данном случае большого значения не имеет.

Особенность памятников, представляющих монгольский материал в арабской графике,— одинаковое обозначение лабиализованных гласных разного подъема, например, *о* и *и*: МА, 269 — *oran* «место» и МА, 365 — *uran* «искусный» — записываются тождественным образом. В непервых слогах не различаются по ряду гласные *а* и *е*, *о* и *ӧ*, *и* и *ӱ*, ср. МА, 280 — *öre:n* «сам» транскрибируется арабскими буквами точно так же, как и два предыдущих слова. Таким образом, по арабским источникам можно только отличить лабиализованный гласный от нелабиализованного (в том случае, если он вообще обозначен буквами «алиф», «вав» или огласовкой) [4].

Л. Лигети классифицировал среднемонгольские формы этих источников по характеру второго слога [5]: в ряде слов *о* и *ӧ* второго слога устойчивы, в других варьируются *а* ~ *о*, *е* ~ *ӧ*, в третьих — ассимиляции нет [2, с. 130—131]. Далее мы рассмотрим эту классификацию, но прежде отметим некоторые закономерности, связанные с морфонологией второго слога.

В служебных морфемах (как словоизменительных, так и в деривационных) лабиальная ассимиляция в среднемонгольском, как правило, не встречается: КП, I, 15 — *ögbeė* «дал», СС, § 87 — *o-g-be*, МА, 102 — *ögbe* «то же» — здесь суффикс финитной формы прош. времени (Praeteritum per-

---

[3] В соответствиях среднемонгольского и современных диалектов не все ясно — достаточно вспомнить о спорных вопросах в развитии долгих гласных [15, 16]. Тем не менее, в отношениях между современными монгольскими языками и языком среднемонгольского периода нет противоречий, которые казались бы принципиально непреодолимыми.

[4] Неясностью в отражении гласных отличаются все монгольские источники в арабской графике [8, 17, 18]. В необходимых случаях мы даем альтернативную транскрипцию, например, МА, 325— *oro/un* «место», хотя нельзя быть уверенным и в том, что в данном случае мы имеем дело с последовательным отражением лабиализации.

[5] Имеет смысл говорить только о лабиальной ассимиляции второго слога, поскольку в последующие слоги она проникает очень редко. Так, гласный *о* в третьем слоге встречается лишь в «Сокровенном сказании» в некоторых собственных именах, ср. СС, § 3 — *To-ro-qo-l-jin*.

fecti)-*ba*/-*be* (-*bai*/-*bei*). Он никогда не выступает в среднемонгольском в лабиализованном варианте (ср. халх. *ögöw* ~ *ögwö* «дал» или *olow* ~ *olbo* «нашел»), но подчиняется нёбной гармонии. Ср.: КП, XII, 2 — *bosqabayi* «воздвиг», СС, § 255 — *bo-l-ba* «стал». Правда, в СС нёбная гармония отражена не вполне регулярно — часто встречается окончание -*ba* в мягкорядных словах, например, СС, § 1 — *i-re-ba* «пришел». Что касается МА, то наша транскрипция *ögbe* носит условный характер — во всех случаях суф. -*ba*/-*be* записывается одинаково.

Не знает лабиальной ассимиляции суф. каузатива -*qa*/-*ke*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный, например, КП, XII, 2 — *bosqabayi* «воздвиг», СС, § 185 — *bo-s-qa-jiu* «воздвигнув», МА, 122 — *bosqaba* «поднял». Ср. также суф. пассива -*da*/-*de*: КП, XII, 3 — *oldaqu* «найтись», МА, 265 — *oldaba* «нашелся». Аналогично ведут себя и другие суффиксы.

Таким образом, грамматические морфемы не поддавались лабиализации. Менее устойчивым элементом были соединительные гласные, появлявшиеся на стыках морфем. В памятниках КП встречаем форму: КП, XII, 3 — *olon* «найдя» (основа *ol*-, суффикс деепричастия Converbum modale -*n*). Но в этих же источниках в большинстве случаев в качестве соединительного гласного выступает все же *u*(*ü*), а не *o*(*ö*), например, КП, XIII, 1 — *olu'ad* «найдя», КП, XIII, 1 — *bolu'ad* «став», КП, I, 8 — *ögun* «дав».

В китайских транскрипциях также чаще встречается *u*(*ü*), а не *o*(*ö*), ср. СС, § 272 — *bo-lu-q-san* «ставший», СС, § 99 — *bo-su-a-t* «встав», СС, § 111 — *bo-lun* «став». Реже встречается соединительный *o*: СС, § 111 — *qo-ro-qun* «спастись» (от архаичного *qor*-, например, СС, § 129 — *qor-ba* «укрылся», ср. халх. *xorγo* «убежище»).

Арабские источники позволяют лишь заключить, что соединительный гласный часто бывал лабиализованным: МА, 231 — *olu/o-qsan* «обрел», МА, 122 — *bosu/oqsan* «встал», МА, 256 — *odu/o-nam* «идет», МА, 226 — *ögü/öbe* «дал».

Рассмотрим теперь среднемонгольские формы, в которых гласный второго слога принадлежит корню, но связан с историческим суффиксом.

Элемент **-r* (возможно, древний суффикс), который также мог, вероятно, входить в состав сложного суффикса прилагательных **-γar* (-*ger* и т. д.), является конечным звуком многих слов, например, **hoqar* «короткий», **soqar* «слепой», **qonγar* «саврасый» (здесь мы пишем реконструируемые протомонгольские формы). Гласный второго слога в этих словах мог быть исторически корневым или соединительным [6].

В среднемонгольских памятниках для гласных перед конечным **-r* наблюдается устойчивое соответствие: СС — *o*, МА — *a*, например: СС, § 255 — *o-qor* «короткий», МА, 267 — *oqar*, МА (ИМ), 438 — *hoqar* «то же»; СС, § 3 — *Soqor* Сокор (и.с.м.), МА, 324 — *soqar* «слепой».

**-ra*/-*re* в последнем слоге наречий и прилагательных (например: **dora* «внизу», **degere* «наверху», **bora* «серый», **sira* «желтый» и проч.) в китайских транскрипциях встречается с лабиализованным гласным во втором слоге и с нелабиализованным — в третьем; в арабских источниках гласный в этом элементе никогда не бывает лабиализованным; квадратное письмо дает мало материала — единственный пример: КП, XII, 4 — *dotʿora* «внутри». Ср.: СС, § 232 — *do-ro* «внизу», МА, 143 — *dora* «то же», СС, § 3 — *bo-ro* «серый», МА, 121 — *bora* «то же». В МА находим также форму: МА, 121 — *boru/on* «сероватый» с лабиализованным, но неопределенным гласным. В третьем слоге **-ra* во всех источниках выступает с нелабиализованным гласным: СС, § 84 — *do-to-ra-ban* «про себя [подумал]», МА, 119 — *dotu/ora* «внутри»; пример КП см. выше. Интересно отметить, что в среднемонгольском слове *oira* «близкий» конечный гласный не лабиализуется: СС, § 31 — *o-ire* ~ *o-i-ra* МА, 263 — *oira*. Возможно, дело в том, что *oi*

[6] Этимологизировать **-r* как суффикс трудно: возможно, приведенные формы сопоставимы со среднемонгольским *oqo-* ~ *oqu-*, с халхасскими *soxo* «совсем» (синоним: *soxortol*) и *xonγo* «задняя часть бедра», но здесь мы не имеем достаточного материала.

в среднемонгольском надо рассматривать как сочетание двух слогов, и, таким образом, конечное *а* приходится на третий слог [7].

Непродуктивный суф. существительных **-sun(-sün)* в среднемонгольском сохраняет *u(ü)* после любой основы и в любой позиции. Ср.: СС, § 274 — *to-sun* «масло», КП, I, 18 — *yosu* «закон», СС, § 139 — *yo-sun* «то же», СС, § 254 — *qo-o-sun* «пустой; голодный», СС, § 170 — *to-o-sun* «пыль». Арабские источники в этих словах, по-видимому, также отражают звук *u*, т. е. МА, 351 — *tosu/on* «масло», МА, 299 — *qo'asu/on* «сухой», МА (ИМ), 448 — *to:su:/o:n* «пыль» следует транскрибировать как *tosun*, *qo'asun*, *to:sun*.

Элемент **-dun* (возможно, древний суффикс существительных) в словах **hodun* «звезда», **γodun* «лапа», **modun* «дерево» также не подвергается ассимиляции в среднемонгольском: СС, § 230 — *ho-du* «звезда», СС, § 114 — *qo-dun* «лапа», СС, § 57 — *mo-dun* «дерево», КП, XIII, 11 — *modun(u)* «то же». Показания МА следует оценить аналогично, т. е. МА, 185 — *hodu/on* «звезда», МА, 237 — *modu/on* «дерево» — вероятнее всего, отражают формы *hodun*, *modun*.

В словах с **-sun* и **-dun* содержался устойчивый *u*, который не только не уподоблялся до известного момента гласному первого слога, но иногда и сам его ассимилировал. Уже в СС находим: СС, § 141 — *mu-du-ni* «дерево» (вин. падеж). Потом этот процесс в ряде диалектов усиливается и становится регулярным в ордосском: *dusu* «масло», *yusun* «закон», *udu* «звезда», *mudu* «дерево». По-видимому, ордосские формы могут служить ориентиром для восстановления *u* второго слога в средне- и даже протомонгольском [1, с. 28].

Гласный *u* в третьем слоге не вызывает регрессивной ассимиляции в ордосском: *xo* : *son* «пустой», *to:son* «пыль». Здесь возможна и другая версия: дело не в том, что *u* находится в третьем слоге, а в том, что первый слог содержит долгий гласный, и, следовательно, надо предполагать раннее (уже в среднемонгольском) образование долгих гласных из комплексов **oγa*, **oge*. Последнее представляется вполне вероятным, если учесть МА, 306 — *qo:su:n* «сухой», МА(ИМ), 445 — *qo:sun* «сухость», МА(ИМ), 448 — *to:su:n* «пыль».

Противоречащий факт: ордосское *urdu* «дворец» [халх. *ordo(n)* «то же»] должно происходить из **ordun*, но имеется только СС, § 232, 233 — *or-do* «дворец» с вероятным прототипом **orda*. Предположение Г. Дёрфера о заимствовании в протомонгольский прототюркского **ordo* [19, с. 34] не объясняет ордосскую форму.

Наиболее устойчиво лабиальная ассимиляция проявляется в корневых гласных второго слога. Примеры из СС и КП: СС, § 254 — *qo-to-lai-yan* «все свое», КП, XII, 3 — *qotʻola* «все», КП, II, 19 — *onqočʼas* «из лодки» (исх. падеж), КП, XII, 1 — *bodo* «субстанция», СС, § 17 — *to-o-ri-* «обходить», КП, XIII, 8 — *tʻoʻori-* «то же», СС, § 240 — *to-o-tu* «с числом», КП, XII, 3 — *tʻoʻon* «число», СС, § 224 — *do-to-na* «близкий» (ср. выше примеры с *dotora*), СС, § 117 — *o-to-gu-sun* «старые», КП, IV, 5 — *ötʻö-gus(e)* «старшины», СС, § 224 — *so-no-su-ad* «слушая», СС, § 147 — *ko-ko* «синий», КП, XI, 7 — *tʻöröl* «перерождение». Примеров такого рода в СС довольно много, КП дает в большинстве случаев параллельные формы. Единичны случаи несовпадения данных этих двух источников: СС, § 208 — *o-ro* «место», КП, I, 13 — *orana* «то же». Чаще встречаются вариации *o* ~ *a*, *ö* ~ *e* среди форм самого «Сокровенного сказания»: СС, § 224 — *qo-lo* ~ ~ *qo-la* «далекий», СС, § 254 — *ǰo-bo-* ~ СС, § 242 — *ǰo-ba-* «мучиться».

В арабских источниках лабиализация гласного второго корневого слога происходит значительно реже, большинство форм содержит *a(e)*, но не *o(ö)*: МА, 300 — *qola* «далекий», МА, 350 — *to'an* «число», МА, 324 — *sonasba* «слышал». Однако и здесь наблюдается варьирование *a* ~ *o*, *e* ~ ~ *ö*: МА, 264 — *olan* «много», МА, 230 — *olon* «то же», МА, 269 — *oran* «место», МА, 325 — *oron* «то же», МА, 143 — *dotar* «нутро», МА, 119 — *dotora* «в», МА, 221 — *köke* «небо», МА, 128 — *kökö* «то же».

[7] Есть основания считать, что первые два звука представляют собой начальную стадию стяжения гипотетических комплексов **oγĭ* ~ **oβĭ* [1, с. 76].

Во всех источниках чередования в одних и тех же словах лабиализованных и нелабиализованных гласных носят характер исключений, но исключений разного рода: если в СС неустойчивая лабиализация присутствует на фоне общей тенденции к лабиализации гласного второго слога, то в МА то же самое происходит на фоне общего отсутствия лабиальных во втором слоге.

В СС и КП тенденция к лабиальной ассимиляции проявляется достаточно регулярно в корневых слогах, чтобы рассматривать противоречащие факты как исключения. К таким фактам можно отнести отсутствие лабиальных гласных в корнях, финальные компоненты которых соответствуют современным дифтонгам, например: СС, § 254 — *ho-rai-ta-la* «доверху», КП, XIII, 10 — *horayi* «макушка» (халх. *orое* «верх, макушка»), СС, § 189 — *no-qa-no* «собаки» (род. падеж), СС, § 78 — *no-qai* «собака», КП ЗМ, 120 — *noqayi* «то же» (халх. *нохое* «то же»), СС, § 102 — *mo-qai-ya* «змее» (дат. падеж) (халх. *могое* «змея»). Это соответствие является вполне регулярным и может трактоваться не как исключение, а как дополнительный фонетический закон [8].

Возвратимся к классификации Л. Лигети [1) лабиализованные, 2) неустойчивые, 3) нелабиализованные формы] и сопоставим с ней морфонологические данные, дополнив классами форм с узким лабиализованным второго слога *u* (*ü*) и неясным по подъему гласным *u/o* арабских источников. В представленной ниже таблице знак «+» означает наличие формы с данным гласным в указанном источнике, знак «—» — ее отсутствие [9]. Знак «(+)» показывает, что примеров соответствующего типа очень мало.

	Гласные продуктивных морфем		Соединительные гласные		Гласные непродуктивных элементов		Корневые гласные	
	СС/КП	МА	СС/КП	МА	СС/КП	МА	СС/КП	МА
o(*ö*)	—	—	(+)	—	+	—	+	—
o/*u* (*ö*/*ü*)	—	—	—	+	—	+	—	(+)
u(*ü*)	—	—	+	—	+	—	—	—
o ~ *a* (*ö* ~ *e*) *	—	—	—	—	+	—	+	(+)
a(*e*)	+	+	—	—	+	+	(+)	+

Мы сочли нужным отразить неясность передачи гласных в арабских источниках (строка *o*/*u*). Для чередования *o* ~ *a* оставлена одна строка (для наглядности сравнения), хотя и в ней подразумевается, конечно, альтернативная транскрипция МА — *u*/*o*.

Таблица делает очевидными два обстоятельства: во-первых, вероятность лабиализации зависит от степени «прикрепленности» второго слога — максимальная вероятность у корневых гласных, нулевая — у продуктивных морфем; во-вторых, восточный и западный среднемонгольский материал существенно различается по лабиализации второго слога.

Различный «морфонологический вес» гласных второго слога допускает только диахроническое толкование. Процесс лабиальной ассимиляции начался сравнительно давно, он захватил и восточные, и западные диалекты на раннем этапе их расхождения, а может быть, и в так называемый общемонгольский период. К среднемонгольскому периоду лабиализация в восточных диалектах усиливается, в западных отступает, т. е. «гласный *a*(*e*) второго слога...в МА вовсе не механическое сохранение примитивного состояния, но напротив, это состояние развилось последовательно в группе западных монгольских диалектов и довольно поздно» [2, с. 132] [10].

[8] Пользуясь внешним сравнением, элемент **-qai* можно возвести к древнему суффиксу существительных (ср. маньчжурские слова — *nioxe* «волк», *meyixe* «змея»). Это обстоятельство также делает лабиализацию второго слога менее вероятной.

[9] Точнее сказать: такая форма не попала в поле зрения автора статьи.

[10] О другой точке зрения см. [20, с. 195].

Если лабиализация, действительно, начиналась с «нуля» и если ближневосточные источники мы по праву относим к калмыцко-ойратскому диалектному континууму, то такой путь развития представляется единственно возможным.

Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствию лабиальной ассимиляции сопутствует сильнейшая редукция гласных (например, в калмыцком), а наиболее отчетливая лабиализация проявляется в тех диалектах, где редукция минимальна (в бурятских), умеренна или интонационно обусловлена (в халхасских). Можно предположить, что в определенный момент, скорее всего из-за просодических изменений (может быть, передвижения ударения), в общемонгольском началась редукция непервых слогов, и именно она спровоцировала или облегчила возникновение лабиальной ассимиляции. После отделения западных диалектов редукция в них усиливается и лабиальная ассимиляция приостанавливается и начинает исчезать. В восточных же диалектах процесс равномерно идет дальше: редукция нарастает постепенно или останавливается на определенном уровне, а лабиализация продолжается. К сожалению, проверить это предположение трудно, поскольку нет достоверных сведений о редукции в среднемонгольском.

При всех диахронических рассуждениях мы исходили из положения о том, что в среднемонгольском не было во втором слоге исконных *o*(*ö*) [11, с. 316], и, следовательно, в протомонгольском, т. е. до возникновения лабиальной ассимиляции, *o* и *ö* во втором слоге вообще не могло быть. Эта гипотеза многое объясняет, но она же требует доказательства вторичности *o* в таких формах, как СС, § 1 — *či-no* «волк», СС, § 121 — *i-ro-ai* «земля», КП: I, 22 — *ǰirqo'an* «шесть».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Poppe N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.
2. *Ligeti L.* Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanboul. — AOH, 1963, t. XVI, fasc. 2.
3. *Ramstedt G. I.* Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol—Sprache in Afghanistan. — JSFOu, 1905—1906, XXIII.
4. *Iwamura S., Schurman H. F.* Notes on Mongolian groups in Afghanisian. — In: Silver Anniversary Volume of Zinbun-Kaga-ku-Kenkyusyo. Kyoto University, 1954.
5. *Weiers M.* Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. Goettingen, 1972.
6. *Iwamura S.* The Zirni Manuscript. Kyoto, 1961.
7. *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. М., 1973.
8. *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. I—II. М. — Л., 1938.
9. *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М. — Л., 1941.
10. *Юань-чао Би-ши.* Секретная история монголов. Т. I. Текст. М., 1962.
11. *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929.
12. *Санжеев Г. Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
13. *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
14. *Mostaert A., de Smedt A.* Le dialect Monguor parlé par les mongols du Kansu Occidental. I. Phonétique. — Anthropos, 1930, t. XXV.
15. *Doerfer G.* Langvokale im Urmongolischen? — JSFOu, 1964, № 65.
16. *Poppe N.* On the long vowels in common Mongolian. — JSFOu, 1967, № 68.
17. *Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanboul. — AOH, 1962, t. XIV, fasc. 1.
18. *Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. — Bull. de l'Académie des Sciences de l'URSS, 1927, № 15, 16, p. 1009—1040, 1251—1274; 1928, № 17, p. 55—80.
19. *Doerfer G.* Türkische Elemente im Neupersischen. Alif bis Ta.—Wiesbaden, 1965.
20. *Poppe N.* Remarks on the vocalism of the second syllable in Mongolian. — HJAS, 1951, XIV.